

- О красоте человеческой
- Возвращение Петра Топчия

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

общество,
коллектив, личность

АДРЕС У СЧАСТЬЯ ОДИН...

Мальчишка родился в Киеве. Отец был шефом, окончание дороги не уходило из дома. Необыкновенность земли смысла заворожила мальчишку. Кем он станет? Путешественником, историком, фантастом? К июню 1941-го Петрик Топчий успел окончить в школе первый класс...

Лидия ВИРИНА

Столет зима 1973-го. Мы идем с Петром Евгеньевичем Топчием по Стрельцову, одной из немногих киевских улиц, уцелевших в войне. «Наш дом. Наша окна. Школья». Крепкий, плечистый мужчина с водяным лицом. Но сейчас в нем и растерянность, и какое-то детское изумление, словно человек все еще не верит в реальность этой встречи с родным городом... Бульвар Шевченко, площадь Победы. Тут — Киев послевоенный, поднятый на руки. И хотя Топчий каждый день ходит этой дорогой на работу, он индивидуально, словно впервые, всматривается в панораму белошампанских кварталов в разбитом эстакад. Что же, появляется легкость. Мессия для проведения за рубежом, и по-новому прекрасными и дорогими видятся родные улицы, городом, в котором живешь. Для Петра Топчия разлука с Родиной длилась три десятка лет — по сути всю его сози-тельную жизнь.

Сорок третий... Однинадцатилетнего киевского хлопчика война понесла по свету. Австралия, Гонконг, Япония, Америка, Англия, Австралия, Италия...

Сорок третий началась для него трудовым лагерем в Германии под городом Лицисем. В памяти наследства остались черные чертежи — проволока, серые квадраты — бараки, а между ними — большие грязные пятна: плац «Ахтуни». Рядом друзья. Николай Курзальев — 53 года, Ян Жилинский — 18 лет. Марин Джерри — 48 лет. А ему — 11 лет! «Арбат!» Надо копать, копать, копать! И прятаться руки к потам, которым искушает антре-прекер.

Да, Петрик Топчий не «использовал» в первые годы. И спо-ва: «Ахтуни», «Арбат!». Голос не отступает, он настигает, взывает. Музика, вторящая ему, так же неумолима. Откуда-то среди жестоких, яростных ритмов вдруг возникает мелодия, полная человечности. «Днились я на не-боя труки годам!» В ней тоска по воле, в ней протест против оного.

Идет репетиция. Создается новая программа Украи-кента под названием «Доро-га длинной в тридцать лет». Автор сценария Дмитрий Ки-сии, режиссер Эдуард Буте-ко. Но Петрик Топчий — кто же он? Главный исполнитель в концертной программе? Собеседник зрителя. Нет, не то. Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Родины. Она называется «Журавли»...

Уже не тоскливо вокруг него столики с дамами и господами, не были в глазах хрусталь и серебро, не вдрагали широкие алчных игровых автоматов, пальмы не отбрасывали причудливые тени в оранжевом свете луны. Просторы Приднепровья разворачивались перед его взором, виделось ясное родное небо, и в небе журчащий клин, зовущий за собой.

«Журавли» Расула Гамзатова на английской языке перевели он сам. Сам он слух подобрал и записал медленно. Где услышал ее? В Австралии, в посольстве СССР. Приходил туда так часто, как только мог. И вообще постоянно искал любую возможность услышать родную речь, увидеть человека, приехавшего с далекой Родиной. В Сиднее выступал Дмитрий Гнатюк. Он слушал все концерты Гнатюка, он никак не мог с ним расстаться. Но советский певец уехал, оставил подаренные ими пушкинские народные песни «Казаки меня бьют»... Он всегда возил их с собой, как самый могущественный амулет. И еще раз повезло в Австралии: повстречался с советской труппой. Забросил свою концертную, но отходил от артистов — помогал грузить фургоны, помогал убирать машину, старался хоть в чем-то быть полезным.

Вернувшись домой, один из наших артистов написал в московской газете об этой встрече. Прочитав, заинтересовался: «Тогда ты пишешь у тебя на Родине: ты — грустину? Словно не тебе алпийскую Сидней и Тони, Нью-Йорк и Лондон, словно не твой единственный в Лас-Вегасе или Марин-Бич опенится в тысячу долларов!» Он обрадовал потом насмешкой: «Когда я вернулся к себе домой, то скажу, что я чужбине нечестиво горюю не только тем, что грунт мешки. Я скажу, что без Родины и владел много тысяч долларов — и никак!»

Чем-то, если услышать, это было похоже на то, лагерь, подневольное: «Копать, копать!» Но Петр (ему в это время двадцать) не хочет ни вспоминать, ни вдумываться. Хочет одного — обра-титься почтой под ногами, заце-питься хоть за что-нибудь. И приоткрывает руки к потам, которым искушает антре-прекер.

На Билла Садлере замечательный, поэтический, сказочный глаз. Для начала он «придал» позичка к своим нащупанным «блублес» — танцевальной группе, пред-восхитительной «рокнетке» из нью-йоркского «Радио-си-ти». Двенадцать девушек-двойников (рост у каждого — два метра, и не любмы меньше) развлекают зрителя в первом отделении, а затем — молодой певец. Сильный, чистый баритон, простодушные, обладающие глубоким чувством... Среди исторической разви-тическости и заученых, станови-цаются чистые и яркие, станови-цаются танцовщицы при-драмы... Среди этих, потраченных тобой в поисках счастья? — «Я искал счастье на разных дорогах, и не нашел его, хотя изъездил планету. Поэтому что у счастья один адрес — Родина».

Он уже твердо решил, что вернется. Кто же еще изумлялся: «Ведь у тебя там — один единственного родного человека!» Он отвечал: «Там родной для меня — каждый!» — «А как же вся твоя жизнь, она прошла здесь?» — «Моя жизнь еще и не начиналась...» — «А все эти годы, потраченные тобой в поисках счастья?» — «Я искал счастье на разных дорогах, и не нашел его, хотя изъездил планету. Поэтому что у счастья один адрес — Родина».

Родина не была для него отвлеченным понятием. Вернувшись на строительство, не пропустил ни строительства единственно-го, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Петрик Топчий не «использовал», не «использовалась». Всего-лидно, между единственно-м, между остановками — восстания по трости — четы-реста миль. Стегут «исците-ская певческая» из Испании, раздолбасывают французскую певицу «салонных танцов», а Петр Топчий несомненно обра-тает к изматывающей коче-вой жизни интерес: он слу-шает многолюдную страну, впитывает ее наизмены. Нет,

Две дружеские по-братьи соревнуются производственные коллективы Свердловска и Днепропетровска. Заражаются дружескими и между художниками двух городов. Недавно в Свердловске показали свои работы заслуженный художник УССР А. Бурак, а в Днепропетровске — заслуженный художник Р. Родзин.

РСФСР А. Бурак. Свой склон и сделал во время обсуждения выставки уральского художника. Разговор вели заслуженный художник УССР А. Жирдков, А. Бурак, Н. Родзин и заслуженный деятель искусств УССР Г. Черняевский (слева направо).

Н. Дмитриев.

Е. ВАСИЛЬЕВ.

МОСКВА.

Д. ВАСИЛЬЕВ.

МОСКВА.

</div

ТРУД И БЫТ

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

КЛУБ НЕ ДОЛЖЕН
БЫТЬ БЕЗЛИКИМ

...3

В далекой деревне, где-нибудь в полесской глубинке вырастает белокаменный дом. Высокие стены, зеркальные витрины панели. Поднимается по ступенькам центрального входа, и радостное чувство охватывает вас. Да могла ли мы, даже подиумы уже в советское время, не говоря о наших материалах, отцах, дедах, мечтать, вот о таких дворцах-клубах в своих родных селах? А теперь это явление полусоветское, как говорится, развод.

Строим мы небывало много. Достаточно сослаться на опыт Белоруссии. «Фактически все, что мы видим сегодня», — послевоенные новостройки. А перспективы еще грандиознее. В текущем пятилетии на капитальное строительство в республике отпущены миллиардные суммы, в полтора раза превышающие затраты предыдущей пятилетки.

Михаил САВИЦКИЙ,
народный художник БССР

Но встает вопрос: все ли из того, что мы строим, что проектируем на будущее, соответствует требованиям, которые выдвигает перед нами время? Я конспиративной области — строительства сельских клубов и домов культуры, разумеется, в аспекте своей профессии.

Мне думается, что именно здесь у нас еще множество нерешенных проблем и вопросов. И это особенно волнует потому, что в отличие от города клуб — единственная культура на селе: и кино, и лекционный зал, и филармония, и театр. Клуб — это культурный центр села. И наша забота сделает его притягательным для всех, от мала до велика. Между тем большинству даже самых «вонзательных» дворцов культуры не хватает, как говорят, художников, последних, завершающих удары кисти. Слишком уж функционально-стиротипны чистые плоскости стен, зеркальные стены. Отсюда опущение неустроенности, бесполноты. Это чувствуют и руководители колхозов, и культорганизации. Естественно их желание, как-то создать свою, неповторимую атмосферу в клубе, как-то украсить его. И хорошо, если в этот момент в работу включаются профессиональные художники, в которых, в состоянии на достаточно высоком уровне решить задачу. А ведь недавно, «на подхвате» обзываются бородичные бригады художников, которые неизвестно размазывают и разделяют синевы-блесканные стены новых зданий, выдавая это за искусство.

Бывает еще и так. Есть сельские дворцы культуры, такие, например, как в колхозе «Советская Белоруссия» на Брестчине (архитектор Л. Москалевич, художник К. Кинчко), где выполнена значительная монументальная работа, но отсутствие надлежащего обрудования, специальной мебели, декоративных тканей, осветительной арматуры и прочих дополнительных элементов намного снижает эмоциональную атмосферу, делает хороший замысел неизвестным. И здесь снова ставится вопрос: мы с живописцами-художниками, с письменными, психологами, культорганизаторами, должны думать о том, чтобы эти здания были не просто зданиями, а заодно выработали и идею.

Только за последние несколько лет установлено более 1000 новых зданий культуры, в которых выполнены на высоком уровне работы по архитектуре и инженерному обеспечению. Но и утверждать проектное задание, предлагающее художественно-формитическое решение, пока под них не будет стоять художника и не будут представлена эскизы. Тогда волею-волевым директором проектного института придется привлекать для работы над проектным заданием и художников.

И, во-первых, следует подумать над производственной базой художников. Получается странная картина: Дом возводят солидные специализированные строительные управления, а витражи, мозаики, керамические пластины и прочие трудоемкие работы выполняются кустарно и по-домашнему.

Пунктом четвертым предполагается, чтобы «найденный художником архитектором проект» был одобрен комитетом по архитектуре и градостроительству. Итак, художник, соединивший в себе творческое существо с юристами, письменными, психологами, культорганизаторами, специалистами. Необходимо разработать художественно-этическую сторону ритуальных действий, придать им подлинную торжественность, красоту. Значительные события в жизни человека должны быть памятны особым, эмоционально-глубоким со-действием.

Представляется разумным создать ряд общих разработок мебели, одежды, осветительного оборудования, принципиальных художественных решений различных пелевинов в домах культуры. Имея под рукой такие альбомы, конструктивные элементы, художник и архитектор могли бы творчески выразировать их, создавая оригинальные ансамбли, уделяя основное внимание генеральному художественному решению дома культуры.

А ДОЛАМИ, за лесами, за высо-ими горами есть сказочное королевство. Живут в нем веселые и счастливые люди, а правит королевством добрый великий.

Дальше скажу надо обовать и сказать, что зовут волшебника Генрихом Адольфовичем Карчевским. Он действительно собрал в своих владениях множество чудес. И живут здесь только веселые и счастливые люди, которые приходят из парка в пятницу.

И еще надо сказать, что волшебник занимается по совместительству должностью директора Дворца пионеров.

Ничего подобного я не видел нигде, хотя побывал во многих городах. И люди, приезжающие в приподнявшийся город Ухту, согласятся, что увидеть здесь такой детский парк они не ожидали.

Город отдал детям самое красивое место — сосновый бор. И хоть растет он в самом центре Ухты, его бережно обходит строительные краны. Парк — это город в городе. В начале лета, когда портфели убрани из нового учебного года, школьники собираются на свое вече и делают портфели администрации: директора парка, директора парка, директора кинотеатра «Звездочка», комендантка кукольного театра, издающих журналы о аттракционах, игр, забавах в парке великолепное множество. Я хотел было сосчитать, но сбился.

Почти двести, — подсказал директор Дворца пионеров.

В парке нет ни одного плютика. Есть школа, где можно учить, и больница, в которой их можно лечить.

А эти аттракционы, игры, забавы в парке великолепное множество. Гардероб с парком машин и кинотеатр, в котором можно показать куклы драмы.

Игрушечные домики связаны друг с другом игрушечными телефонами.

рентора кинотеатра «Звездочка», комендантка кукольного театра, издающих журналы о аттракционах, игр, забавах в парке великолепное множество. Я хотел было сосчитать, но сбился.

Почти двести, — подсказал директор Дворца пионеров.

В парке нет ни одного плютика. Есть школа, где можно учить, и больница, в которой их можно лечить.

А эти аттракционы, игры, забавы в парке великолепное множество. Гардероб с парком машин и кинотеатр, в котором можно показать куклы драмы.

Игрушечные домики связаны друг с другом игрушечными телефонами.

рентора кинотеатра «Звездочка», комендантка кукольного театра, издающих журналы о аттракционах, игр, забавах в парке великолепное множество. Я хотел было сосчитать, но сбился.

Почти двести, — подсказал директор Дворца пионеров.

В парке нет ни одного плютика. Есть школа, где можно учить, и больница, в которой их можно лечить.

А эти аттракционы, игры, забавы в парке великолепное множество. Гардероб с парком машин и кинотеатр, в котором можно показать куклы драмы.

Игрушечные домики связаны друг с другом игрушечными телефонами.

рентора кинотеатра «Звездочка», комендантка кукольного театра, издающих журналы о аттракционах, игр, забавах в парке великолепное множество. Я хотел было сосчитать, но сбился.

Почти двести, — подсказал директор Дворца пионеров.

В парке нет ни одного плютика. Есть школа, где можно учить, и больница, в которой их можно лечить.

А эти аттракционы, игры, забавы в парке великолепное множество. Гардероб с парком машин и кинотеатр, в котором можно показать куклы драмы.

Игрушечные домики связаны друг с другом игрушечными телефонами.

рентора кинотеатра «Звездочка», комендантка кукольного театра, издающих журналы о аттракционах, игр, забавах в парке великолепное множество. Я хотел было сосчитать, но сбился.

Почти двести, — подсказал директор Дворца пионеров.

В парке нет ни одного плютика. Есть школа, где можно учить, и больница, в которой их можно лечить.

А эти аттракционы, игры, забавы в парке великолепное множество. Гардероб с парком машин и кинотеатр, в котором можно показать куклы драмы.

Игрушечные домики связаны друг с другом игрушечными телефонами.

рентора кинотеатра «Звездочка», комендантка кукольного театра, издающих журналы о аттракционах, игр, забавах в парке великолепное множество. Я хотел было сосчитать, но сбился.

Почти двести, — подсказал директор Дворца пионеров.

В парке нет ни одного плютика. Есть школа, где можно учить, и больница, в которой их можно лечить.

А эти аттракционы, игры, забавы в парке великолепное множество. Гардероб с парком машин и кинотеатр, в котором можно показать куклы драмы.

Игрушечные домики связаны друг с другом игрушечными телефонами.

рентора кинотеатра «Звездочка», комендантка кукольного театра, издающих журналы о аттракционах, игр, забавах в парке великолепное множество. Я хотел было сосчитать, но сбился.

Почти двести, — подсказал директор Дворца пионеров.

В парке нет ни одного плютика. Есть школа, где можно учить, и больница, в которой их можно лечить.

А эти аттракционы, игры, забавы в парке великолепное множество. Гардероб с парком машин и кинотеатр, в котором можно показать куклы драмы.

Игрушечные домики связаны друг с другом игрушечными телефонами.

рентора кинотеатра «Звездочка», комендантка кукольного театра, издающих журналы о аттракционах, игр, забавах в парке великолепное множество. Я хотел было сосчитать, но сбился.

Почти двести, — подсказал директор Дворца пионеров.

В парке нет ни одного плютика. Есть школа, где можно учить, и больница, в которой их можно лечить.

А эти аттракционы, игры, забавы в парке великолепное множество. Гардероб с парком машин и кинотеатр, в котором можно показать куклы драмы.

Игрушечные домики связаны друг с другом игрушечными телефонами.

рентора кинотеатра «Звездочка», комендантка кукольного театра, издающих журналы о аттракционах, игр, забавах в парке великолепное множество. Я хотел было сосчитать, но сбился.

Почти двести, — подсказал директор Дворца пионеров.

В парке нет ни одного плютика. Есть школа, где можно учить, и больница, в которой их можно лечить.

А эти аттракционы, игры, забавы в парке великолепное множество. Гардероб с парком машин и кинотеатр, в котором можно показать куклы драмы.

Игрушечные домики связаны друг с другом игрушечными телефонами.

рентора кинотеатра «Звездочка», комендантка кукольного театра, издающих журналы о аттракционах, игр, забавах в парке великолепное множество. Я хотел было сосчитать, но сбился.

Почти двести, — подсказал директор Дворца пионеров.

В парке нет ни одного плютика. Есть школа, где можно учить, и больница, в которой их можно лечить.

А эти аттракционы, игры, забавы в парке великолепное множество. Гардероб с парком машин и кинотеатр, в котором можно показать куклы драмы.

Игрушечные домики связаны друг с другом игрушечными телефонами.

рентора кинотеатра «Звездочка», комендантка кукольного театра, издающих журналы о аттракционах, игр, забавах в парке великолепное множество. Я хотел было сосчитать, но сбился.

Почти двести, — подсказал директор Дворца пионеров.

В парке нет ни одного плютика. Есть школа, где можно учить, и больница, в которой их можно лечить.

А эти аттракционы, игры, забавы в парке великолепное множество. Гардероб с парком машин и кинотеатр, в котором можно показать куклы драмы.

Игрушечные домики связаны друг с другом игрушечными телефонами.

рентора кинотеатра «Звездочка», комендантка кукольного театра, издающих журналы о аттракционах, игр, забавах в парке великолепное множество. Я хотел было сосчитать, но сбился.

Почти двести, — подсказал директор Дворца пионеров.

В парке нет ни одного плютика. Есть школа, где можно учить, и больница, в которой их можно лечить.

А эти аттракционы, игры, забавы в парке великолепное множество. Гардероб с парком машин и кинотеатр, в котором можно показать куклы драмы.

Игрушечные домики связаны друг с другом игрушечными телефонами.

рентора кинотеатра «Звездочка», комендантка кукольного театра, издающих журналы о аттракционах, игр, забавах в парке великолепное множество. Я хотел было сосчитать, но сбился.

Почти двести, — подсказал директор Дворца пионеров.

В парке нет ни одного плютика. Есть школа, где можно учить, и больница, в которой их можно лечить.

А эти аттракционы, игры, забавы в парке великолепное множество. Гардероб с парком машин и кинотеатр, в котором можно показать куклы драмы.

Игрушечные домики связаны друг с другом игрушечными телефонами.

рентора кинотеатра «Звездочка», комендантка кукольного театра, издающих журналы о аттракционах, игр, забавах в парке великолепное множество. Я хотел было сосчитать, но сбился.

Почти двести, — подсказал директор Дворца пионеров.

В парке нет ни одного плютика. Есть школа, где можно учить, и больница, в которой их можно лечить.

А эти аттракционы, игры, забавы в парке великолепное множество. Гардероб с парком машин и кинотеатр, в котором можно показать куклы драмы.

Игрушечные домики связаны друг с другом игрушечными телефонами.

рентора кинотеатра «Звездочка», комендантка кукольного театра, издающих журналы о аттракционах, игр, забавах в парке великолепное множество. Я хотел было сосчитать, но сбился.

Почти двести, — подсказал директор Дворца пионеров.

В парке нет ни одного плютика. Есть школа, где можно учить, и больница, в которой их можно лечить.

А эти аттракционы, игры, забавы в парке великолепное множество. Гардероб с парком машин и кинотеатр, в котором можно показать куклы драмы.

Игрушечные домики связаны друг с другом игрушечными телефонами.

рентора кинот

● Прогресс шагает под знаменами коммунизма
● Псевдоконсервы из псевдошедевров

—каждый шаг вперед
на пути культуры был
шагом к свободе.
Ф. ЭНТЕЛЬС.

В ОЖЕСТОЧЕННОЙ полемике «двух миров» вряд ли есть тема более актуальная, чем противники, искающие темы о свободе культуры. Находясь на мелкобуржуазных позициях, одни называют нас «ревизионистами», потому что мы любы свободно распространяем произведения буржуазной культуры, другие — «догматиками», так как мы не делаем этого. С тех же позиций некоторые честные, но заблуждающиеся художники, например Генрих Бэйль, опицанают разные отсутствия свободы как на Западе, так и на Востоке, не отдавая себе отчета в том, что там ограничиваются свободой прогрессивного, здесь — реакционного. Наиболее просто атакуют нас идеологи империализма и ревнаги от социализма. Лишь появление их конкретного содержания, превратив критерии социальной справедливости и морали, они стараются представить пороки капитализма добродетелью, а добродетели социализма — пороками. При этом частные прибегают к склонительным приемам. (Например, утверждают: раз на Западе есть протесты и оппозиции, значит, там есть свобода).

Быть свободным, говорят Энгельсы, значит, действовать с позиции познания вещей, совершенствовать действительность, которая тебе не удовлетворяет, достигать таким образом самоутверждения и наслаждения творчеством во имя гуманных идеалов. Но ведь все это так или иначе входит в самое общее определение понятия культуры. Что такое культура, как ни осуществленная свобода? И что такое свобода, как ни возможность полного развития культуры?

Правда, как показала история, порой это достигается тихой ценой, в частности, ценой загубленных дарования, но это уже другой вопрос. Внутреннее тождество этих феноменов подсказывает, что расщепление культуры возможено только в истинно свободном обществе, так же как ее кризис — доказательство отсутствия свободы.

Общество, отжившее и аморальное

Еще Шекспир писал, что тот, кто довольствуется самым необходимым, не отличается от животного. И в самом деле, что остается от человека, если лишить его труда творческого начала, если отстранить его от участия в процессе социального и исторического развития, если преградить ему дорогу к познанию подлинной культуры? Именно этим, в обесчеловечивании экономических и социальных отношений, кроются в концепции превращения любви, даже самой богатой капиталистической страны в «великую культурную пустыню».

Если верно утверждение, что истину независимо связана с идеей добра, то, очевидно, общество отжившее, с точки зрения нравственности мы оценим ее как аморальную. Теодор Драйзер, занимавший в своей книге «Американская трагедия», что капиталистическая система распределения благ сама по себе является одним из тяжчайших преступлений, был абсолютно прав. Отношения, которые основываются на власти денег, не только порождают драмы в трагедии, но и препятствуют прогрессу общества в целом, ведут к разрушению продукта труда, ставят под угрозу само существование жизни на планете. Вот почему правы те, кто называет подобные отношения антикультурными, дикими и варварскими.

ЧИТАЯ ГАЗЕТЫ БРАТСКИХ СТРАН

СВОБОДА И КУЛЬТУРА

Пресса социалистических стран уделяет пристальное внимание проблемам борьбы с буржуазной идеологией. Разоблачение демагогичных выступлений апологетов буржуазных «свобод», «буржуазного образа жизни», печатные издания братских стран на конкретных фактах доказывают пре占领ства социалистического строя, представляющего человеку истинную свободу творчества. Перепечатывая сегодня статью А. Атанасова, опубликованную на страницах боевой газеты болгарских коммунистов, организованной ЦК БКП «Работническое дело», мы открываем новую рубрику — «Читая газеты братских стран».

Ленту интеллигентской: с одной стороны, они признают, что «модернцы смелись с демократизмом — с упадком и разложением искусств», а с другой — утверждают, что модернизм — реакционный «лишь в своем наиболее чистом теоретическом виде». Читая подобное, начинаешь спрашивать себя: собственно говоря, существует или не существует модернизм как художественная практика?

Александр АТАНАСОВ

Это «абсолютно свободное», претендующее на исключительнуюauthenticity искусства, находятся в плена слепого отрицания, анархического бунта и мистики, оказываются и самыми несвободными в зачастую проблематичном искусстве с точки зрения принадлежности его к миру эстетики. Ибо, как указывал еще Маркс, минима «свобода» проявляется в основе которой лежит философская эстетическая неграмотность или предубежденность, по существу являющаяся рабской подчиненностью предмету, при которой художники совершенно случайные и частные определения выдают за «абсолютно необходимые и всеобщие».

Еще о «маленьких людях»

Во времена, когда Клеркет выступил с теоретизацией страха и разединения индивидуумов, определив это как сущность человеческого бытия, молодые Маркс и Энгельс подняли знамя исторического оптимизма и призвали к объединению тех, кому принадлежит будущее. Мы, бесспорно, преклонляемся перед чудесами природознания и техники. Но разве история не прошла за всю свою жизнь не одной книги, а семьдесят восемь никогда не ходили в театре. И добавила, что необходимо своим глазами увидеть происходящее в Болгарии, чтобы почучевствовать, что такое истинная культурная революция и как рождается новый тип народа — строителя социализма.

Тодор Живков сказал, что без свободы мысли и творчества, без создания необходимой творческой обстановки невозможно полностью реализовать национальный гений. Эти слова не просто декларации, эти слова — это акт активности, который состоялся в Лунде. Автор и постановщики спектакля — камеруклер Джонатан-План. Сюжет взят из истории борьбы участников камерулского движения Сопротивления против колонизаторов.

Когда один из наших оппонентов спросил, что мы «бомбим» «прогрессивного» альянса Запада, ему предложили перечислить те явления в культурной жизни буржуазного мира, которые являются ему наиболее важными. Оказалось, что болгарская публика, которую интересует эта проблема, совсем не знает о существовании политических и морально нечистоплотных людей — это не дает им трибуны, а окружает их молчаливыми предрассудками.

Итальянский общественный деятель и коммунист Джузеппе Ди Витторио, один из известнейших фигурантов международного рабочего движения, его память будет посвящена огромной фреске, которая украсит одну из стенных музейных залов итальянского города Чернвилья. Над фреской работает группа художников во главе с Этторе Де Кончилиесом. Авторы обратились к итальянским трудящимся с просьбой приступить к им документам, личные воспоминания о Ди Витторио, о развитии профсоюзного движения Италии. Эти сдоветствство будет объединены в отдельную книгу, которая выйдет под заголовком «Минуты вспоминания» в фреске.

Терпимость — сочувствие в преступлении

«Все люди мира», — вешала налево «Немецкая волна» — должны иметь свободный доступ ко всем источникам информации. Большинство лицемерие трудно придумать. Ведь именно здесь эта радиостанция представляет собой единственный рабочий сектор Запада, который предоставляет людям Запада и другим социалистическим странам.

Однако, поскольку невозможно задушить голос разума, прибегают к всевозможным ухищрениям, чтобы уменьшить эффективность его воздействия. Например,

на книжном рынке некоторым западным странам пропагандируют Ленина вместе с сочинениями Троцкого, Маркса и Энгельса.

Таким образом, Ленин как бы стоит в один ряд с мировым артефактом «Прометеем» Эсхила?

Вопрос состоит в том, как будет раскрыта эта сюжет. Во всяком случае драматичный, болезненный, сомнительный наследие Ленина, которое было создано для подлинно человеческого существования, не может быть главным итогом итальянскими наездниками фильма итальянского режиссера еще раз доказывает, что сама жизнь язв и язвы дает росты подлинно современного искусства. Люди нового, социалистического мира установили на земле свободу от всех свобод — свободу от проповеди, возвратили труду его творческую сущность, превратили человека из средства в цель — одним словом, создали предпосылки для подлинно человеческого существования, не только общественного материально-технического, но и осмысливального философско-и-возвышенного эстетического. Удивительно ли, что культура нового мира духовно и психологически несовместима с декадентством, а ее мистический пафос и ее воинствующая критика несовместимы с мещанской идеологией?

В обществе разнообразных гражданских движений могут покупать таланты и раздвигать их?

Термин «массовая культура», который очень часто используется в печати, когда говорят о положении в западных странах, мне кажется, можно было бы заменить термином «антикультура» или « псевдокультура ». Это антикультура воспитывает людей в духе мещанских идеалов, разлагает грачественность отразившегося в зеркале, прославляет героя без чести и совести, рекламирует жестокость и насилие. Эта антикультура превратилась в настоящую индустрию, приносящую огромные прибыли. С этой антикультурой связана и большая часть авангардистского

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

искусства. Провозглашал целью своей деятельности протест против буржуазного общества, даже самые исполнители и честные художники этого направления на деле только помогают торжеству азарту, против которого хотели бы бороться. Странно, что и у нас есть отдельные критики, которые еще не могут вынужнить в эту пародиальную диалектику, в это расхождение между желанием и результатами. Такие авторы, чтобы не «обидеть» некоторых передовых, ищущих пути к новому, пишут, что мы любы свободно распространяем произведения буржуазной культуры, другие — «догматиками», так как мы не делаем этого. С тех же позиций некоторые честные, но заблуждающиеся художники, например Генрих Бэйль, опицанают разные отсутствия свободы как на Западе, так и на Востоке, не отдавая себе отчета в том, что там ограничиваются свободой прогрессивного, здесь — реакционного. Наиболее просто атакуют нас идеологи империализма и ревнаги от социализма. Лишь появление их конкретного содержания, превратив критерии социальной справедливости и морали, они стараются представить пороки капитализма добродетелью, а добродетели социализма — пороками. При этом частные прибегают к склонительным приемам. (Например, утверждают: раз на Западе есть протесты и оппозиции, значит, там есть свобода).

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

Недавно в Болгарии была поставлена пьеса Недядко и Норданова «Вопрос принципа». Главная удача спектакля — образ коммуниста Атанасова, опровергающегося через них, либо смеющиеся различными рангами, которые и сами не хотят использовать эти возможности, и другим мешают.

<p

